

Рано, ребята, вы все еще живы...

Мое вхождение в литературные процессы Красноярска, потом Красноярского края, а затем уже и страны началось с моего назначения на должность директора Дома искусств. До этого времени литература для меня была связана с именами классиков, чье творчество изучалось в школе, училище и вузе. О существовании со-

временных писателей я знать не знала и даже не догадывалась. Хотя, наверное, если бы мне задали вопрос: «А есть ли современные писатели?» – основываясь на логическом мышлении, я ответила бы утвердительно. Должен же кто-то писать и сейчас, если писали и в XX, и в XIX веках, и гораздо раньше.

На мою голову одновременно «свалилось» около сотни писателей, которые состояли в красноярских отделениях Союза писателей России и Союза российских писателей. На протяжении 2010 и 2011 годов я регулярно слышала о «Литературных встречах в русской провинции», которые проводил Виктор Пётрович Астафьев, об их значимости и важности для литературных процессов в крае.

Об этом вспоминали все без исключения писатели, с которыми я знакомилась. Выглядело это примерно так: «А знаете, когда был жив Виктор Пётрович...» И мне повествовали о гостях, которые когда-либо приезжали в Овсянку, о том, как на берегу Енисея накрывались столы и деятели искусств наслаждались пищей материальной и духовной, впитывая мощь Енисея.

К сожалению, в бюджетной системе невозможно сделать что-то быстро. Для начала пишется проект, далее он кладется на стол руководителю, рассматривается его необходимость и эффективность, и лишь после этого начинаются поиски денежных средств. Чаще всего последний этап занимает несколько лет. На мое счастье, в министерстве культуры Красноярского края того времени понимали важность и значимость развития литературных процессов в регионе.

И вот уже в 2012 году была организована моя первая литературная конференция на базе Педагогического университета им. В. П. Астафьева. Одним из приглашенных гостей из Москвы был Андрей Коровин, у которого за пле-

чами уже тогда был многолетний опыт организации Волошинского фестиваля в Коктебеле. Андрей посмотрел на конференцию, на меня, на руководство министерства культуры края и спросил: «Почему у вас до сих пор нет своего литературного фестиваля?». «И правда, почему у нас нет своего литературного фестиваля?» – спросила я сама себя. Так появился Всероссийский литературный фестиваль «Книга. Ум. Будущее», более известный просто как «КУБ».

Первый фестиваль команда Дома искусств сделала, не имея никакого опыта в организации подобных проектов. Лишь после того как фестиваль был завершен, я попала на повышение квалификации в Москву, и тут начали происходить удивительные вещи. В этот период я присутствовала и на вручении премии «Поэт», и на вручении «Новой Пушкинской премии», побывала на многочисленных литературных вечерах! Я знакомилась, знакомилась и знакомилась с писателями...

Сегодня у меня за плечами уже пять поездок на Волошинский фестиваль в Коктебель, три поездки в Иркутск на фестиваль «Поэзия на Байкале», две – в Екатеринбург на «Книжный фестиваль в Белинке», однажды была в Карелии на «Пётроглифах», а также посещала различные литературные форумы и книжные ярмарки в Москве и Санкт-Петербурге. Точных цифр у меня нет, но лично знакома с большим количеством писателей. Однажды мне сказали: «Шнар, из людей, НЕ пишущих и живущих за Уралом, ты та, кто больше всех знает писателей лично». Наверное, это так и есть.

Я люблю писателей! Люблю их как людей и как творцов. Многие стали для меня хорошими друзьями и знакомыми. Я общаюсь с литераторами круглый год, а во время «КУБа», можно сказать, живу с ними, так как на неделю переезжаю вместе с мужем в гостиницу, в которой

селятся все участники. Этот опыт начали перенимать организаторы других фестивалей.

Мой учитель однажды сказал: «Таня, чтобы понимать все процессы изнутри, ты должна быть с писателями, тусоваться с ними, и только тогда ты начнешь разбираться в том, что делаешь». Мудрый совет, которому я следую до сих пор. Мое проживание в гостинице – следование этому совету. Ведь все писатели в первую очередь – люди. И им важно понимать, что организаторы – с ними, они рядом, они вот здесь, за стенкой, в соседнем номере.

В литературном сообществе меня уже давно спрашивают, когда я начну писать. А я все отшучиваюсь: «Если я и начну писать, то только мемуары». «Так начинай!» – восклицают мне в ответ. «Рано, ребята, вы все еще живы...»

Впрочем, некоторых уже с нами нет. Может быть, поэтому я попробовала набросать эти записки...

Топографический кретинизм

2013 год стал для меня знаменательным во многих смыслах. Я впервые прошла обучение в Москве, впервые посетила литературный фестиваль «Поэзия на Байкале», впервые была на вручении премий «Поэт» и «Новая Пушкинская премия», впервые поехала в командировку... на море. Да, да! Такое тоже бывает, особенно когда литературный фестиваль проходит в Коктебеле. И да, на море я тоже оказалась впервые.

Если честно, то раньше я боялась куда-то ездить одна. Это был не панический страх параноика, а, скорее, червь, который точит тебя изнутри. В голове проносилось множество мыслей: «А вдруг то, а вдруг это, а что, если...» Они были бесконечны и перевелись лишь с накоплением

опыта, точнее, опыт их выдавил своей весомостью и внушительностью. На этот раз мне повезло, и в Коктебель я ехала в солидной компании Михаила Михайловича Стрельцова, красноярского писателя. Свои воспоминания о той поездке он уже опубликовал. Мне же хочется описать один забавный эпизод, который не нашел отражения в его рассказах.

Тем, кто раньше бывал в Крыму или в любом другом южном городе, известно, что ночь там наступает стремительно. Такая же ночь нас застигла в момент нашего приземления в Симферополе. Поэтому все рекомендации и описания Ивана Клинового под грифом «Как добраться до Коктебеля» вмиг стали неактуальны. Мы с Михаилом Михайловичем не то что вывесок не могли разглядеть, а вообще не понимали, есть ли улица в том направлении, которое было указано в путеводителе Вани. Видно было метров на пятнадцать-двадцать, не дальше. Было решено ехать на такси.

Сибирский характер во все времена славился выдержкой, выносливостью и смелостью. Нам удалось проявить эти качества. До Коктебеля мы добирались почти сутки. Сначала самолетом из Красноярска до Санкт-Петербурга, потом восемь часов ожидания, совмещенного с прогулками по городу, затем перелет в Симферополь и финальный аккорд – два с половиной часа в такси до литературного эпицентра в Доме-музее Максимилиана Волошина. И вы думаете, что нам после всего этого хотелось лишь отдохнуть? Чёрта с два.

С Михаилом Михайловичем нам понадобилось всего лишь десять минут на то, чтобы заселиться в гостиницу и переодеться. Нас тянуло к морю! «Андрей, ты где?» – звонила я главному человеку на Волошинском фестивале. «Таня, идите в Дом-музей Волошина». – «Андрюша, если бы я знала, где это, то мы бы давно были там». С го-

рем пополам я нашла веселую команду организаторов, при этом потеряв Михаила Михайловича. Он нашелся чуть позже, и мое спокойствие было восстановлено.

В Коктебеле народ долго не сидит на одном месте. Все плавно перетекают из одного уголка набережной в другой... или так делают только писатели? Не знаю. Но для меня этот уголок Крыма теперь уже навсегда связан с именами творящих литературу. «Собираемся и идем в эллинг», – скомандовал Андрей Коровин. Вся многочисленная компания засобиралась. Эллинг – что это, где это?

Мы долго шли вдоль набережной. Вот уже и все кафе остались позади, и спящие торговые палатки, а мы все шли и шли. С одной стороны, ничего особенного: всё вперёд и вперед. «Михаил Михайлович, запоминайте дорогу, а то у меня топографический кретинизм». – «Таня, я великолепно ориентируюсь на местности, не переживай».

Вот я и не переживала. Волнение началось, когда мы возвращались обратно. «Таня, нам сюда». И Михаил Михайлович уверенно свернул налево. «Вы уверены?» – «Конечно!» Мы шли вверх по узкой дорожке, все дальше удаляясь от моря.

«Михаил Михайлович, мы идем не туда», – решила я высказать свое сомнение. «Таня, ты же сама говорила, что у тебя топографический кретинизм». – «Так и есть, но мы идем не туда». – «Ну, как знаешь, веди сама». Мы развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли обратно к морю.

Оказалось, что налево свернули рано. Следующий поворот был наш, и минут через десять мы были у гостиницы. Знакомство с Коктебелем состоялось, можно было ложиться спать.

Не было такого!

В 2014 году в Красноярск на литературный фестиваль «КУБ» приехал известный писатель, назовем его Иван Пётрович. Так сложились обстоятельства, что в аэропорт встречать его поехал другой писатель, а не я. Прилетел ли мой долгожданный гость, я выяснила. Все было хорошо. Дорога для Ивана Пётровича была длинная, самолет летел ночью, а приземлялся в столице края рано утром. Так всегда происходит, если вылетаешь с запада на восток.

Моя задача была проста – в 12:00 гость должен был записывать интервью на одном из телеканалов Красноярска. Выезжать из гостиницы требовалось в 11:30. Имея организаторский опыт, я позвонила Ивану Пётровичу в 11:00, а потом в 11:05, в 11:07... Ответа не было. Я сделала около двадцати звонков. Все тщетно. Телефон издевательски пел длинными гудками.

В гостиницу приехала в 11:20. Девушка на ресепшене встретила меня милой улыбкой. Вот только я уже не улыбалась совсем, меня бил легкий мандраж. Как можно вежливее я попросила позвонить в номер Ивану Пётровичу. Мне подумалось, что сотовый телефон можно отключить, а вот городской в номере – нет. Милая девушка сделала две попытки. Тишина. Нет ответа.

«Девушка, а вы могли бы пойти в номер к Ивану Пётровичу и постучать посильнее в дверь?» – для меня это был последний вариант. «Хорошо!» Я осталась ждать, милое юное создание удалилось. Время тянулось мучительно долго. Мне казалось, что прошла вечность. Шаги по коридору. Я в надежде с сияющими глазами уставилась в их сторону.

Из-за угла вырулила девушка с ошарашенными глазами: «Он рывкнул, что спит!». Внутри у меня все оборва-

лось. Страх, ужас, безнадежность... Что я скажу телевизионщикам? Поблагодарив, я вышла на крыльцо. Это был мой первый опыт взаимодействия с известным писателем. Я стояла и думала. Зазвонил телефон. Это был Иван Пётрович. «Через десять минут выйду», – коротко и ясно произнес он.

Я ждала его в приподнятом настроении. На смену страху пришли легкость и облегчение. Все прошло благополучно. Запись интервью состоялась.

Спустя два года Иван Пётрович по моему приглашению снова приехал в Красноярск. Мы гуляли по городу, и я ему напомнила про ту историю. Он отмахнулся от меня и сказал: «Не было такого!». Я улыбнулась и подтвердила: «Не было».

Всё выше, и выше, и выше!

Заповедник Столбы люблю с раннего детства. Когда мне было три года, папа брал меня в этот удивительный край. Это настоящая тайга! Мощь и величие мест восхищают до сих пор. Я заставила (!) многих писателей полюбить и проникнуться этим местом в дни проведения литературного фестиваля «КУБ». Один из гостей (не будем упоминать имен) проникся до такой степени, что «увез» осколок скалы в своей переносице. Вынули его только через месяц! Но это другая история...

В общем-то у гостей «КУБа» выбора почти нет. Либо идешь на Столбы, либо едешь покорять необъятные просторы Красноярского края и несешь людям доброе и вечное. В Год литературы я приглашала писателей для выступлений в Красноярск также и помимо фестиваля. Программа у меня неизменная. Куда везти гостей?

Конечно же, на Столбы. Обычно их доставляют до максимально близкой точки на автомобиле. Оттуда до Первого Столба остается метров четыреста вверх. Лайт-вариант для новичков...

Очередной гость прибыл в начале ноября. Стоит отметить, что в Красноярске свирепствует резко континентальный климат. В ноябре эта резкость заключается в том, что сегодня может быть +5 и дождь, а завтра – уже -10 и снег! Примерно так произошло и на этот раз.

Пропуск для въезда в заповедник был выписан на мой личный автомобиль – переднеприводный «форд». Уже подъезжая к Столбам, я начала волноваться в отношении безопасности дороги, ведущей к подножию скал. Мы свернули с городской магистрали и начали движение к заветным местам, до которых было семь километров.

Через два километра я остановилась у ворот пропускного пункта. Вышла из машины и подошла к окошечку. Оттуда выглянул молодой и радушный парень. Посмотрел на меня, на номера автомобиля и сказал: «Проезжайте». Я подошла к нему чуть ближе и почти шепотом спросила: «Как дорога?» – «Передний привод?» – «Да». – «Не советую, долго вас потом вытаскивать придется». Мысли забегали, ведь гостю я обещала легкую прогулку, а не пять километров в гору!

Паркуя автомобиль, я обратилась к гостю: «Нам предстоит небольшая прогулка. Дорога плохая. Пойдем пешком. Так безопаснее». Я старалась произнести эти слова как можно легче и непринужденнее. «Нам же недалеко идти, да?» – спросил гость. «Совсем близко, прогуляемся». В голове вертелась истинная информация – пять километров в гору, а Пыхтун-гора – особое удовольствие для гуляющих. Название говорит само за себя. Но я упорно об этом молчала.

Мы шли, болтали о Красноярске, о моих проектах. Гость фотографировал пейзажи... Прошли чуть меньше половины, когда возник резонный вопрос: «А нам еще долго идти?» – «Нет-нет, мы уже почти на месте». Вра-ла и не краснела. А что мне оставалось делать? Столбы я была обязана показать.

Мы всё шли и шли, всё выше и выше.

С хорошим собеседником покорять вершины всегда легче (это я про себя). Мы быстро дошли до кордона, а там нас ждала будочка с ароматным чаем. Я взяла с липой, а мой гость – с облепихой. «Теперь нам осталось пройти пять километров вниз, а это намного легче», – с облегчением выдохнула я. «Сколько? Пять километ-ров? – на лице гостя были выражены смешанные чув-ства. – Татьяна, если бы ты мне сразу сказала, сколько придется идти, я бы не пошел!»

Конечно, не пошел бы. Я об этом знала, поэтому и при-думала эту хитрость, всего лишь утаила некоторую ин-формацию. Что же в этом плохого? Зато на одного чело-века, побывавшего на Столбах, стало больше. И я этому очень рада!

Медсестра

Какие только профессии за время организации фести-валя я на себя не примеряла! Помимо организатора была и ведущей, и сценаристом, и водителем, и носильщиком, и промоутером, и даже медсестрой. История в целом грустная, но вспоминается с улыбкой...

Когда я в 2013 году посетила первый в моей жизни лите-ратурный фестиваль в Иркутске, то сразу поняла – долж-на быть фишка! У моих коллег это был Байкал, у нас же,

кроме Столбов, в апреле показывать особо нечего. Вот так и повелось, что один из дней мы делаем для поэтов и прозаиков туристическим. Наверное, уже тогда в моей голове начала зреть мысль о литературном туризме.

Что такое Столбы весной? Это грязь, лед, дождь, снег, сырые или покрытые изморозью камни, корни деревьев, пробивающаяся сквозь пожухлую траву зелень. Погодные условия предугадать невозможно. Резко континентальный климат каждый год выдает что-то особенное, но в целом на земле еще зима, а над головой – буйство весны.

Всем участникам литературного фестиваля я заранее высылаю памятку, в которой отдельный пункт посвящен походу на Столбы. Всем советую приобрести страховку от укуса клеща и подобрать подходящую обувь. Причем на обувь обращаю особое внимание, так как опыт показывает, что некоторые особы тонкой душевной организации умудряются пойти в поход на каблуках. Хотя это не самый плохой вариант, так как каблуки впиваются в снег и не дают ногам скользить.

Самый отвратительный вариант – это состояние алкогольного опьянения. И не потому, что я борец за здоровый образ жизни, я в целом борец за здоровье и жизнь. А если они и будут утрачены у кого-то из писателей, то моя задача – чтобы это случилось, по крайней мере, не в рамках «КУБа».

После этих слов меня кто-нибудь обязательно обвинит в бесчеловечности. Да, пусть будет так, однако когда перед твоим носом маячит уголовная статья или как минимум угрызения совести за то, что не уследила, лучше дуть на воду.

Путешествие на Столбы в тот год началось традиционно. Три микроавтобуса вовремя стояли у гостиницы. Гости неспешно выходили, кто-то доставал сигареты, кто-то спохватывался и срочно бежал в номер за забытыми вещами.

Но вот основная часть писателей в сборе. Остается понять, кого не хватает, и бежать за ними в номера. Только эта мысль промелькнула в моей голове, как на улицу вывалились два участника фестиваля. Вывалились в буквальном смысле. Сколько алкоголя было в их организмах на минуту отправки на Столбы, мне неизвестно, но, очевидно, много – такой вывод напрашивался сам собой. Почему я не настояла на том, чтобы они остались в гостинице? Почему не собрала всю свою волю в кулак? «Почему» преследует меня до сих пор.

Эти красавцы загрузились в автобус, достали еще бутылку водки и начали в веселом и бодром расположении духа ее употреблять. Дорога до заповедника занимает минут сорок, максимум час. Уникальность заповедника в том, что он находится в черте города. По пути мы подхватили экскурсовода, который поведал гостям, что Столбы – это северо-западные отроги Восточных Саян, что заповедник основан в 1925 году, что его площадь в настоящее время составляет 47 219 гектаров и что наш маршрут пройдет через Первый, Второй Столбы, Перья и Львиные Ворота.

Многие гости меня спрашивают, а что такое тайга, какая она и увидят ли они ее. Любопытных я успокаиваю возможностью самому ответить на эти вопросы во время экскурсии в заповедник. Природа мощная и сильная, невозмутимая и спокойная, но поглощающая тех, кто не следует правилам безопасности. Вот так она дала предупреждающий сигнал мне, мягкий намек на то, что безопасности Столбы не прощают...

Все автобусы добрались до точки назначения, дальше – пешком. Традиционное фото на память. Впереди затяжной подъем по деревянной лестнице. Каждый идет со своей скоростью. В этом восхождении нет ничего сложного, это проверка больше на выносливость, неже-

ли на ловкость и тренированность. Первая контрольная точка сбора всех участников похода – скала Слоник. И там все спокойно. Никто не отстал, никто не решил вернуться. Экскурсовод делает свое дело и идет вперед. Ручеек из поэтов и прозаиков потянулся за ним.

В какой момент это произошло, я так и не поняла. Шум, возгласы остановили меня. Я обернулась. Один из гостей, поэт, сидел на камне, а вокруг него роилось человек восемь. Девушки охали, пытались достать что-то из сумок. Когда я подошла, нос «счастливец» уже был залеплен влажными салфетками, через которые просачивалась кровь.

«Ваня, идите дальше. Ты замыкающий. Следи за гостями», – успела я выкрикнуть красноярскому поэту. Всех сочувствующих отправила вперед. Гости ни при чем – они хотят увидеть красоту сибирской природы.

Чего мне стоило уговорить «разбившегося» гостя вернуться к автобусам и там дожидаться всех остальных! Я понимала, что если «герой» отправится дальше, то это будет уже не только нос, а может быть рука, нога или, что хуже, голова. На ногах он держался очень плохо, это я поняла, когда мы начали спускаться по лестницам. Сто двадцать килограммов повисли на мне. Его шатало из стороны в сторону. А я думала лишь об одном: чтобы удержаться самой и удержать его. Лететь вниз было далеко. Да и падения с лестниц нечасто обходятся без переломов.

Не знаю, сколько мы спускались по времени. Я постоянно что-то говорила и говорила. Мне необходимо было заговорить поэта, чтобы минимизировать его возможные непредвиденные порывы.

От подножия лестницы до экскурсионного павильона, где готовился обед, пешим ходом еще порядка километра. Не донесу! Нужно везти. «Подъезжай к лестнице... Сам все увидишь», – сказала я водителю по телефону.

Когда мы спустились, микроавтобус уже ждал. Водитель помог затолкать гостя внутрь. Я выдохнула, но, оказалось, рано. Ему все время куда-то было нужно: то он хотел вернуться к группе, то просто пойти погулять... Он никак не унимался. Вступать в конфликтную перепалку бессмысленно, точно уйдет. Ласково, но настойчиво я предложила подождать всех в экскурсионном павильоне. Ключевой фразой было – мы там выпьем.

Я налила водки. Ему – полстакана, себе – на донышке. Выпили. Налила еще. Выпили. Он не закусывал, и спустя минут десять я добилась результата. Поэт утихомирился и начал дремать.

Как оказалось, кровь постоянно сочилась из раны потому, что кусок Столбов застрял в переносице. Он увез его с собой. Поэт написал мне об этом через три месяца. Благодарил за помощь. Мы смеялись. В шуточной форме комментировали фотографии в «Фейсбуке». Там меня и окрестили медсестрой.

Я извлекла урок. И теперь на Столбы допускаются лишь трезвые писатели.

Перепутала аэропорт

Некоторые люди считают, что руководителем может быть каждый. Как говорится, любая кухарка может управлять государством. С другой стороны, я встречала множество людей, которые неспособны принять решение даже о том, чем будут заниматься вечером, не говоря уже об ответственности за других людей.

Когда ты организатор, ты должен отвечать за всех и вся: за партнеров, за корреспондентов, за официантов, за библиотекарей, за писателей, за погоду, за вкус кофе

на вынос, за мягкость матрасов в гостинице, за скорость вайфая. С каждым прошедшим «КУБом» этот список, что и кому я должна, все растет и растет. Во мне начинает просыпаться чувство всемогущества! Ведь даже солнцем над головой я могу управлять, точнее, заказывать, когда ему светить, а когда можно убавить жар.

Задача организатора – спрогнозировать возможные конфликтные истории, опоздания на творческие встречи, нетрезвое состояние писателей на семинарах и множество других вопросов, которые никак не связаны с ним самим. Но связаны с другими людьми. И если вы не знали, то существуют в писательском сообществе «лагеря» и одни с другими никак не «уживаются» в формате одного фестиваля. Так, например, я знаю прозаиков, которые терпеть не могут верлибристов, а певцы стихотворной строки не понимают, что за жанр такой «тревелог».

И до какого-то момента процессы могут быть управляемы, а в какой-то – тумблер перещелкивается, и все идет само по себе. С другой стороны, я всегда говорю о трех типах проблем:

- решение которых полностью зависит от тебя (чувство голода можно удовлетворить, приготовив ужин самому или заказав еду из ресторана);
- на которые ты можешь повлиять частично (вкусная ли еда из ресторана или нет, зависит от повара, который ее приготовил; вы можете влиять лишь на выбор ресторана);
- и которые от тебя вообще никак не зависят (мир во всем мире).

Исходя из этой логики, поведение других людей лишь частично зависит от тебя. Если ты забыл сказать, что материться на творческой встрече в библиотеке запрещено, то со сцены может прозвучать стихотворение с ненормативной лексикой. А вот если я говорю, что заплачу

гонорар лишь тогда, когда работа будет выполнена по обозначенным правилам и качественно, тогда процесс становится более контролируемым.

Летом 2017 года ко мне должна была прилететь поэт из Москвы, моя подруга Юлия. Нам предстояло записать на видео цикл лекций о стихотворной форме для образовательного портала LitWeb. Я заранее приобрела ей билет (на спонсорские деньги), отправила по электронной почте и приступила к другим организаторским заботам.

Спустя несколько дней мое нутро начало тихонько скрежетать. Я четко понимала, что волнение направлено в отношении Юли. Я написала сообщение: мол, как дела? «Прекрасно!» – таков был ответ.

Но чувство тревоги не проходило. Я еще раз поинтересовалась, всё ли нормально. Ответ был прежним. Стоит сказать, что забавные ситуации с Юлей у меня уже случались. Одна из них случилась в Москве. По моей неопытности я чуть не уехала с ней в другой аэропорт. Время вылета у нас разлилось на час, и мы решили, что вместе ехать веселее. Билеты крутили в руках несколько раз, сверяя время вылета. Мое благо, что Юлин муж Саша оказался самым вменяемым и, посмотрев мой билет, строго заключил, что вылет у меня из другого аэропорта.

К слову, это произошло уже в машине, по дороге на железнодорожный вокзал, от которого отходил аэроэкспресс в сторону нужного Юле воздушного порта. У меня в запасе было время. Саша любезно доставил меня куда надо, показал пальцем направление, и мне показалось, что в душе облегченно перекрестился и выдохнул... В целом наше знакомство с Юлей напоминало большой непроходящий анекдот. Но об этом – в другой истории.

Сегодня же ничего не предвещало беды. Подруга – опытный боец, налетала невероятное число тысяч километров как по России, так и по зарубежью. Дома и на

работе у нее все хорошо, настрой рабочий. Я и успокоилась. В день ее вылета свербеть начало опять. По времени я понимала, что она как минимум уже должна ехать в аэропорт. Пишу в мессенджере: «Ты уже становишься ближе ко мне?» Ответ: «Я в аэроэкспрессе) По идее, это означает, что через несколько часов я буду в Красноярске. Но на практике – возможны варианты))». – «Никаких вариантов! Все будет хорошо!»

Я выдохнула и занялась домашними делами. Ведь если она уже едет в аэроэкспрессе, значит, в пробки не попадет и успеет на рейс. Через какое-то время я пыталась уложить себя спать: ведь рано утром садиться за руль и ехать встречать Юлю. Думала поспать часов пять хотя бы.

Кровать, подушка, теплое одеяло, я считаю барашков, потому что сон не идет. В темноте и полной тишине раздался звук пришедшего СМС, я вздрогнула. Текст гласил следующее: «Срочно перезвони!». Несколько матерных слов пронеслось в голове, я набрала номер и услышала взволнованный запыхавшийся голос: «Я перепутала аэропорт!».

У меня кома... Так как время перевалило за полночь, получается, что уже сегодня у Юли творческий вечер в Доме искусств. Мысли метались, мозг пытался напрячься. Что делать?

Поэты – отчаянные люди! Юля предприняла усилия, чтобы успеть в нужный ей аэропорт, загнав почти до смерти машинных лошадей под управлением таксиста, но все усилия оказались тщетными. Пять минут! Каких-то пять минут отделили ее от регистрации на рейс. Что она чувствовала тогда? Могу только предположить. Может быть, она сама вам когда-нибудь поведает об этом.

Удалось купить новый билет на утренний рейс. В Красноярске прошло все по запланированному графику, этот

случай мы со смехом вспоминаем до сих пор. А я с тех пор всем вылетающим ко мне гостям заранее предлагаю проверить аэропорт вылета.

Лит_СП_лаВ

Самые удачные проекты приходят в голову спонтанно. И чем бредовее кажется на первый взгляд идея, тем чаще всего удачнее проект. Так получилось и с литературным сплавом.

Однажды я уже путешествовала по Мане на плоту. Это было году в 2012-м. Тогда мы собрались с девчонками, которые работали в Доме искусств, выкупили путевки и ждали дня отправки. Турфирма предлагала трехразовое питание, стоянки на берегу, палатки, спальники, трансфер. Условия устраивали.

Мы запаслись теплыми вещами, я взяла спальник (не хотелось ночевать в общем, брезгливая). Компания была сборная, разношерстная. Наши разговоры о культуре и искусстве звучали как инопланетный разум. В основном люди ехали выпить и погудеть. Нам повезло, все было в пределах разумного. Однако потусторонний интеллект напрягал.

Когда ты живешь в мире прекрасного, доброго и вечного, разговоры о стройке, ремонте автомобилей, гулящих мужьях и женах, да еще и с использованием нецензурной лексики, напрягают. Уже тогда мне в голову закралась мысль об организации сплава для людей культуры и искусства.

Многие идеи «отлеживаются» годами. Не всегда бывают условия для мгновенной реализации. Нужно ждать, но не у моря погоды, а когда идея «дозреет». Так вышло и с литературными семинарами.

Несколько лет подряд я порывалась в повторный тур по водам горной реки Маны. Не судьба. Обстоятельства не складывались до 2018 года. В этот год проходил самый масштабный на сегодняшний день «КУБ»: 55 гостей из разных городов России, 180 мероприятий за неделю в 12 городах края, более 9000 посетителей мероприятий.

Меня часто спрашивают: «Таня, а ты не боишься, что твою идею украдут?». Нет, не боюсь, ведь, кроме меня, ТАК сделать проект не сможет никто. Поэтому свои идеи я активно обсуждаю в кругу друзей и коллег. Почему именно на «КУБе» мне вспомнилась Мана, не знаю. В тесном писательском кругу во время ночных посиделок меня часто посещают какие-то мысли. Говоришь, говоришь, а потом раз, и появляются очертания будущего события.

Среди гостей фестиваля в апреле была Светлана Владимировна Василенко, замечательный писатель, первый секретарь правления Союза российских писателей. Я знала, что она много путешествует по стране и миру, вот ей-то первой я и предложила стать ведущей семинара по прозе. Она согласилась. Позже выяснилось, что согласие было дано сразу по причине нереалистичности идеи.

В своем «Фейсбуке» Светлана Владимировна написала:
Литературный сплав.

С 10 по 12 августа состоялось самое невероятное литературное мероприятие из всех, в которых я когда-либо участвовала: литературный сплав писателей по реке Мана Красноярского края, во время коего проходили еще и мастер-классы по прозе (вела Светлана Василенко, то есть я, а помогал ей, то есть мне, прозаик из Ангарска Игорь Корниенко – смешной и талантливый, больше мешавший, чем помогавший, но у которого тут же появилась мощная группа фанатов, читавших все его посты в ФБ и окрестивших его Солнцем русской прозы), и ма-

стер-класс по поэзии (ведущие – поэты Нина Ягодинцева и Геннадий Калашников).

Организатор всего этого литературного действия – Дом искусств Красноярска и лично его директор Татьяна Шнар. В апреле Татьяна во время фестиваля «Куб» задумчиво меня спросила, что вот если такой сплав по реке Мана она организует, смогу ли я провести мастер-класс по прозе? Я тут же согласилась, но подумала, что это просто же невозможно! И вот это невозможное случилось.

Было очень красиво, временами нереально красиво. Такой прекрасной – зеленой, сочной, горной, сосновой, цветущей, праздничной – Сибирь я еще не видела. Ночевали на стоянках в палатках, на одной из стоянок была даже баня: сначала нагревались (накалялись) на огне камни, потом на деревянные столбы надевали тент, на пол бросали еловые и сосновые ветки, лили на камни кипяток, поднимался густой горячий пар, в котором происходило священнодействие – хлестали писатели и прочие туристы друг друга попеременно березовым и пихтовым венником, а потом выбегали наружу и бросались в реку Мана, которая всем нам – и пьяным, и трезвым – была по колено, но характер имела бурный, а потому хватала наши горячие тела цепко в свои холодные объятия и уносила далеко по течению, обтесывая пятки и спины об острые камни. После борьбы с таежной рекой, качаясь, мы из нее выползли и снова бежали в парилку. Потом сидели у костра до полуночи. Спали в палатках по трое или четверо в спальнях мешках.

А рано утром вставали и плыли дальше. Сразу же после завтрака (овсяная каша, сэр! – ее готовила нам повариха Юля, загорелая и ладная, как девушка с веслом, в конце нашего путешествия попросившая оставить ей на память и на прочтение наши писания) поэты садились внизу под

крышей в тенечке, начинали пространно и долго обсуждать свои вирши, а прозаики поднимались на крышу и под жарким сибирским солнцем так же жарко спорили о своих рассказах.

Виват – Дом искусств города Красноярска!

Виват – Таня Шнар и ее помощники!

Виват – капитан и матросы нашего плота под символичным названием «Крузенштерн», не раз вытаскивавшие наш плот буквально на руках, когда он садился на мель!

Виват – все, кто участвовал в литературном сплаве, кто обсуждал и обсуждался, кто плыл по реке Мана!

Вот такие отзывы всегда вдохновляют, придают сил. Но до самого отплытия еще далеко, а в моей голове только идея. Что делать? Решать организационные вопросы. Когда за плечами уже четырнадцать лет работы в культуре, многие задачи воспринимаются как семечки. Нужно идти и делать, звонить, предлагать, решать, рекламировать.

Самое важное в организации сплава – это компания перевозчик. Как выяснилось в 2019 году, не все могут предложить комфортные условия. Нам же нужно работать, а не плясать на палубе под завывание попсы.

В «Фейсбуке» я опубликовала пост с просьбой порекомендовать туроператора, который занимается организацией сплавов. Много предложений, от элитных до частных. Организатор всегда мечется между недорогим и надежным/комфортабельным. Да и в грязь лицом в первый же раз ударить не хотелось.

Остановила свой выбор на компании «Туризм и Сервис». Угадала. Выбор поставщиков услуг чаще всего превращается в рулетку, особенно если взаимодействие только начинается. Ты никогда не знаешь, как все обер-

нется: соответствуют ли фотографии реальности, все ли так гладко, как рассказывают менеджеры. Есть один способ проверить – заключить договор.

Первый пункт выполнен, компания найдена. Пункт номер два – положение. Такие задачи решаются мгновенно, так как уже есть наработки огромного количества положений различных конкурсов. Отредактировали. Основным партнерам сплава стал Союз российских писателей (СРП). И не потому что Светлана Василенко была ведущей семинара по прозе, а потому что это клевая идея. В последующие годы сплав неизменно проходил при партнерстве с СРП.

Вы же понимаете, что на бумаге можно написать все что угодно, но это еще нужно и согласовать. Со Светланой Владимировной работать легко и надежно, а самое важное – быстро! В культуре многое делается по принципу «Когда нужно? – Вчера!». Положение о литературном сплаве так и согласовывали. Времени оставалось все меньше, а участников еще нужно было собрать.

Когда делаешь литературные события, отягчающим моментом является то, что рукописи ведущим семинаров должны быть высланы заранее, как минимум за три-четыре дня, а лучше – за неделю. И если, например, на концерт люди могут собраться в последний день, то семинар за один день, увы, не сделать.

Так сложилось, что у меня в социальных сетях основное количество подписчиков – литераторы. Где рекламировать сплав? Конечно, на своих страничках. Перепосты – великая сила! Просите своих друзей сделать репост, и будет вам счастье.

Когда афиша была готова, положение – согласовано, анонс – написан, настало время публикации. И это сработало! Тут я немного преувеличила свои возможности, конечно, ведь помимо моих постов и перепостов друзей

СРП сделали рассылку положения по своим отделениям и представительствам по всей России.

В Красноярск съехались поэты и прозаики из Иркутска, Братска, Ангарска, Кемерово, Томска и Омска. Красноярцы тоже приняли участие. Для меня было удивлением, когда поехать на сплав захотели мои близкие друзья, вообще не имеющие отношения ни к писателям, ни к официальной культуре. Аргументация была простая: «А чего не отдохнуть в хорошей компании?». Писателей считают хорошей компанией! Также присоединились и библиотекари...

Цели у всех были разные, но итог получился идентичный. Все остались довольны! В теории маркетинга, которую я достаточно долго изучала, говорится: «Дайте покупателю/посетителю чуть больше, и он обязательно вернется к вам еще». Также люблю понятие «экономики впечатлений». Дать больше я могу лишь в зоне своей компетенции. Ну не могу я повлиять на то, как пойдет разбор рукописей... А вот на то, вовремя ли отъедет автобус, как быстро перенесут вещи на плот, комфортное ли будет расположение на стоянке, будут ли все сыты, обогреты – это мне по силам.

Имея небольшой опыт, я знала, что трехразового питания для сильных и здоровых телом и духом писателей будет мало. Решила замариновать шашлыки. Вечер накануне отплытия прошел у меня под лозунгом «Кто его раздевает, тот слезы проливает». Ненавижу чистить лук, но чего не сделаешь ради писателей?!

Выезд из города был намечен на 14:00, а в Доме искусств я была уже в 08:30. Зачем? Чтобы встречать гостей, прибывающих из других городов. Людям важно знать, что их ждут. Часто организационные промахи прощаются только потому, что во всем остальном присутствует человеческое общение. Под этим словосочетани-

ем я понимаю уважительное, заинтересованное, доброе и трепетное взаимодействие. Встречали сотрудников учреждений, у которых на лбу написано: «Чё приперлись?». Для меня это крайняя степень непрофессионализма и эмоциональной деградации.

Летом вахтеры Дома искусств в отпусках, поэтому пришлось ехать самой, открывать двери, с улыбкой и кофе ждать сплавщиков. В такие моменты и начинается дружба. Дружба на долгие годы.

Можно и дальше описывать нюансы сборов, обязательное условие любой поездки – наличие опаздывающих, путь до начальной точки сплава, но это не главное. Важно то, что вы чувствуете в тот момент, когда автобус трогается или плот отчаливает. Ты уже ничего не можешь изменить, ничего докупить или дособрать, дописать или доотправить, дораспечатать или допригласить. В этот момент я говорю про себя: «Понеслась». И меня несет то течение, которое я спроектировала.

Ты где был? На «КУБе»!

Фразу «я была на кубе» обыватели воспринимают однозначно. Думаю, вы поняли, как именно. То, что так может называться фестиваль, никому и в голову не приходит. Но в литературных кругах мой «КУБ» стал известным.

В ноябре или декабре 2019 года поэт Юлия Белохвостова вытащила меня на презентацию книги Анны Гедымин. Я до сих пор плохо знаю Москву и сказать, где что проходило, не могу, если это, конечно, не литературный салон «Булгаковский Дом», который придумал Андрей Коровин... По завершении вечера мы вышли во дворик музея (дело было в музее, хотя в Москве,

куда ни посмотри, везде музеи). Присели на скамеечку. Разговариваем.

Подходит девушка-поэт, и мы продолжаем беседу все вместе. Слово за слово, вспомнили о фестивалях, в том числе и о «КУБе». Подошедшая произносит: «Да знаю я про “КУБ”, давно хочу, но туда ведь не везут организаторы, а самой приехать у меня денег нет», – и дальше идет монолог о том, почему организаторы не оплачивают проезд и как это плохо для таких, как она.

В подобных случаях всегда возникает неловкий момент представления. Сколько слов произносится за спинами людей, которые в глаза повторить сможет не каждый... Именно в тот день я осознала, что фестиваль знают в литературных кругах, и знают очень хорошо. Много писателей были на «КУБе», многим еще предстоит побывать, но то, что фестиваль уже вписан в литературную карту России, – факт.

«А когда это ты успела слетать на Кубу?» – вопрошают слушающие.

«Да “КУБ” – это литературный фестиваль. Называется так».

«А-а-а...» – уныло произносят в ответ.

Откуда же такое название? И что оно означает?

Если говорить официальным языком, то «КУБ» – это Всероссийский литературный фестиваль «Книга. Ум. Будущее». Но история создания этого названия смешна и нелепа.

Идея проекта была, деньги – тоже, что и как делать – понятно. Когда настало время разрабатывать дизайн полиграфической продукции, встал вопрос: что писать? Пришло время задуматься над названием. До этого момента мы уже шутили с Андреем Коровиным на тему названия фестиваля и времени его проведения.

«Андрей, а давай сделаем Рождественский фестиваль. У нас же конкурс имени Игнатия Рождественского, вот

и фестиваль пусть будет Рождественский. А проводить его нужно в январе, сразу после праздников». – «Ты что, с ума сошла? Вымерзнут поэты в Сибири в январе». – «Да не вымерзнут. Ты вот делаешь в Коктебеле заплыв поэтов, а я сделаю забег писателей на лыжах, потом в баню и в прорубь». – «Потом ведь недосчитаемся поэтов... естественный отбор получится. Жалко».

Дабы сберечь жизнь и здоровье людей творческих, было решено проводить фестиваль в апреле. Вообще даты фестиваля – дело важное. Известных литературных проектов в России не так много, особенно не так много тех, на которые писатели едут за свой счет. И, если такие фестивали пересекаются либо оказываются близко по датам, автоматически автор стоит перед серьезным выбором: куда ехать?

Передо мной же возник еще один вопрос: организовать в такие даты, чтобы люди в городе еще были (летом из Красноярска многие уезжают, не курортный мы город, пустеют улицы), желательно, чтобы и учебный процесс еще шел. В вузах, техникумах, колледжах и школах всегда готовая аудитория, главное – договориться с ними. Это вопрос техники и связей.

Мы с несколькими сотрудниками сидели в кабинете и перебирали всякие названия. Я знала одно – хочу звучную аббревиатуру, которая легко произносится и быстро запоминается.

У меня есть технология, по которой я придумываю аббревиатуры, думаю, она не уникальна, но дошла я до нее собственными мозгами. Беру лист бумаги и начинаю выписывать все слова, которые так или иначе подходят по смыслу к проекту.

Литература, фестиваль, книга, писатель, поэт, прозаик, Красноярск, Сибирь... что-то было еще. Нет гласных, одни «п», не складывалось ничего. Долго крутили, верте-

ли, соединяли и разъединяли. Не шло название. Сделали паузу на перекур. Вышли на улицу к скамеечке, которая стоит под окном моего рабочего кабинета.

Мозг кипит, обсуждаем. И тут моя коллега обращает внимание на рекламку, приклеенную на спинку лавочки. Не помню, что рекламировали, но было изображение кубика Рубика. Оно запало. Перекинулись с коллегой парой фраз и зашли в Дом искусств уже с готовой аббревиатурой – КУБ.

Первая буква – это книга. Что позволяет сделать чтение? Прокачать ум. Человек, который занимается своим самообразованием, создает свое будущее.

На первом фестивале было придумано еще несколько вариантов. Предлагали их менять каждый год, но мы этого делать не стали. Из самых оригинальных вариантов было «Красноярск Убивает Безграмотность». Жестко. Так и остался «КУБ» – «Книга. Ум. Будущее».

Организатор – это диагноз

Еду в такси, разговариваю по телефону. Обсуждаю автомобильный уик-энд, литсплав, вечернюю экскурсию по ферме «Коза-Дереза», посиделки с гитарой у костра. Заканчиваю разговаривать, и тут на светофоре ко мне поворачивается водитель и говорит: «А вы, наверное, организатор? Голос у вас такой поставленный, так говорите уверенно».

Ну что сказать? Да, я – организатор. Еще со школьных времен что-то делала, проводила, кого-то куда-то собирала, ехала, звонила, писала. Уже поступив в училище искусств на фортепианное отделение, поняла: музыкантом не стану, учителем – не хочу. Впоследствии выучилась

на менеджера в сфере культуры. Стала дипломированным организатором!

Во многих профессиях существует своя деформация. Вот и у оргов она тоже есть. Мы друг друга оцениваем скептически. И не потому, что свой проект всегда лучше, а потому что существует искажение восприятия действительности.

Неважно, куда ты идешь или приехал – на литературный фестиваль или научную конференцию, – твой взгляд всегда останавливается на определенных моментах. Ты все оцениваешь так, как будто пришел с проверкой готовности своего же проекта. В глаза бросаются вахтеры, которых ты сравниваешь с вахтерами своего учреждения. Если тетенька оказалась грубой, то всегда звучит внутренний голос: «Неужели руководитель этого не замечает? Неужели его не волнует имидж организации?». Но так как эти вопросы произносятся про себя, то и ответов на них нет.

Перед мероприятием я всегда захожу в туалет. И здесь начинается буйство организаторской педантичности: чистый ли пол, есть ли туалетная бумага, насколько заполнены мусорные ведра, работает ли сушилка для рук, в наличии ли мыло. Если рядовой посетитель смотрит на загрязненный санузел и тихо негодует, то у меня поднимается волна управленческого возмущения: «Неужели нельзя наказать тех, кто плохо работает? Почему нельзя найти других работников? Разве руководству не стыдно за учреждение?».

Мой внутренний голос общается с моим сознанием – задает вопросы, отвечает на них, оправдывает или ругает. Смотрю на организацию не своих проектов и понимаю: либо хочу так же, либо лучше! Посещение любого мероприятия для меня – это урок: как надо или как не надо. Вот так и учусь всю жизнь.